

КЛУБНЫЕ ВСТРЕЧИ

«Итальянцы убеждены, что я миллионер»

Вег. клуб — 2004 — 17 июня — с. 7

Роман Виктюк: «Иногда с дьяволом надо потанцевать»

Американцы полагают, что Виктюк для театра сделал столько же, сколько Ленин для революции. В Италии он стал первым и единственным иностранцем, удостоившимся премии национального

Института драмы за лучшее воплощение современной драматургии. Русские же до сих пор не могут определить, кто же он: эпатажный певец страсти или гений, достигший вершин духовности.

— Ваши премьеры выходят одна за другой, и это создает впечатление, что вы их печете, как горячие пирожки...

— Это не так. Например, «Саломею» в нашем театре мы репетировали пять лет, «Татуированную розу» во МХАТе я репетировал три года, «Царскую охоту» в Театре имени Моссовета — два с половиной года, «Нуреева» — полгода. В сегодняшних условиях это расточительство, но мы можем себе такое позволить. Возможно, ощущение, что я «зачастил», у вас оттого, что мои спектакли живут долго. В «Моссовете» «Царская охота» шла 24 года. Маргарита Терехова за время этого спектакля выходила замуж, родила дочь и уже стала бабушкой, и все равно продолжала играть князю Тараканову. В «Современнике» спектакль «Квартира Коломбины» шел четырнадцать лет. Бывает даже так, что в один вечер в Москве идут три-четыре моих спектакля. Итальянцы, у которых я частенько бываю, убеждены, что я миллионер. Ну, пусть считают! За год я стараюсь ставить четыре спектакля и еще что-то снять для телевидения.

— Нынешняя экономическая ситуация в России диктует художникам свои законы. Вот вы сами только что сказали, что даже полгода репетиций — это непозволительная роскошь.

— Да, сегодня нет времени на раскачку. Это и правильно и в то же время неправильно. На воспитание коллектива тоже требуется время. Обычно это происходит во время обедов, завтраков, ужинов, дней рождения. Театр — «семья». И в семье было бы неправильно все это пропускать.

— Как вы и ваши артисты относитесь к тому, что популярны, любимы, что о вас пишут

восторженные рецензии?

— В Америке меня вообще сравнивают с Лениным в семнадцатом году. Недавно они прислали проспект, в котором я числюсь в списке пятидесяти деятелей Европы, которые произвели переворот в своих странах. Они утверждают, что я совершил в России переворот в искусстве. На самом деле все эти регалии не имеют никакого значения. Я каждый раз говорю, что нам девятнадцать, что мы ничего не умеем и не знаем, мы начинаем репетировать, как в первый раз. Для меня девятнадцать лет — это старт, выстрел, когда рвешься на сцену, но не знаешь результаты.

— Как вы объясните то, что вы чуть ли не единственный режиссер, которому удалось поставить «Мастера и Маргариту» без каких-либо мистических инцидентов? Ведь многие брались и останавливались после того, как на них обрушивались несчастья.

— Я и сам не знаю. Особенно если учесть, что спектакль по «Мастеру и Маргарите» я ставил несколько раз. Впервые — еще при советской власти, в Вильнюсе. Затем был Таллин и, наконец, Нижний Новгород. Я пытался это объяснить тем, что в режиссерской профессии одну руку приходится протягивать ангелу, другую — дьяво-

лу. И если ты это делаешь сознательно, то дьявол все-таки с тобой. И нужно уметь балансировать, протянуть руку так, чтобы не дотянуться до него, но сделать жест... Иногда с дьяволом надо потанцевать — это действует на него успокаивающе. Все-таки и Гете, и Гоголь, и Достоевский, и Булгаков с ним общались, вели какой-то диалог... Я думаю, что в этом двойном танце и заключена правда о театре.

— Вам никогда не хотелось самому выйти на сцену?

— Да я уже не один раз это делал. И недавно снялся в двух фильмах: в одном играл пророка, в другом какого-то магического человека. Польский режиссер Занусси уже семь лет меня уговаривает сняться в его картине. Он утверждает, что главную роль должен сыграть только я. Тем более, что я по-польски разговариваю совершенно свободно и меня не надо будет дублировать. Но я не соглашаюсь. Возможно, если я все-таки решусь выйти на сцену, то мы (Фима Шифрин, Андрей Данилко — Верка Сердючка и я) сыграем пьесу Дарио Фо «Модный брак». Это может быть очень интересно. Дарио Фо, когда я был в Риме, жаловался, что эта пьеса, которую он очень любит, не имеет успеха. И тогда я ему рассказал, как бы я ее поставил: Фима сыграл бы мужа, Данилко —

жену, а я — любовника. Дарио Фо был в восторге! Я, кстати, уже костюмы для Данилко подобрал в Нью-Йорке — ткани дорогие, роскошные! Шляпы фантастические, куплены в самом дорогом магазине на Пятой авеню. Будет «така жинка, одягнена по-

европейски», но с украинским акцентом.

— Чего вам не хватает для полного счастья?

— С детства меня не покидает ощущение одиночества. Не потому, что вокруг нет людей, — это все есть. Но понимаешь, что тебе дано ощущение тайны, которую ты не можешь ни объяснить, ни навязать, ни пробиться с ней к людям. Сейчас, когда на место Бога пришли расчет и деньги, когда сердце уходит из основной ценности человека на земле, невозможно пробиться сквозь стену, докличаться до этих механизмов, железных автоматов, которые прячутся в клетку семьи, где, как им кажется, они замечательно функционируют. Мне мешает, что становится все меньше и меньше артистов, которые способны в своем компютере иметь кнопки страдания, радости, муки, смерти. Но я с упорством кретина каждое утро прихожу в репетиционный зал и голыми руками забиваю на площадке гвозди. Раны на руках не заживают. Я глубоко убежден: если они затанутся, нужно все бросить и сказать: «До свидания». Кто не ощущает этой прозрачности, которая над всем, не должен заниматься искусством...

Встречалась
Полина ЛИМПЕРТ

